

На правах рукописи

Люлька Ольга Федоровна

**ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ: ФАКТОРЫ,
ДИНАМИКА И ПОТЕНЦИАЛ В ОБЩЕРОССИЙСКОМ
И РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ**

22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Ростов-на-Дону – 2015

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

**Научный
руководитель:**

Кандидат политических наук, доцент
Черноус Виктор Владимирович

**Официальные
оппоненты:**

Нарыков Владимир Николаевич,
доктор философских наук, профессор;
начальник кафедры философии и социологии
ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской
федерации»

Чупров Владимир Ильич,
заслуженный деятель науки РФ, доктор
социологических наук, профессор; главный
научный сотрудник отдела социологии молодежи
ФГБУН «Институт социально-политических
исследований Российской академии наук»

Ведущая организация:

**ФГБУН «Институт социально-экономических
и гуманитарных исследований Южного
научного центра Российской академии наук»**

Защита состоится «12» февраля 2015г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, Институт социологии и регионоведения ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Р. Зорге, 21ж).

Автореферат разослан «___» января 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Верещагина Анна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В XX в. явления, тем или иным образом связанные с протестной активностью, – от студенческих волнений до социальных революций – стали предметом размышлений представителей самых разных теоретических школ, исследователей с мировым именем. Мониторинг протестных настроений, являясь обратной стороной замеров легитимности определенного политического строя, конкретной властной элиты, выступает неотъемлемой частью общенациональных опросов во многих странах мира.

Социальный протест, протестные движения продолжают оставаться важнейшим фактором трансформаций не только отдельных политических систем, но и мировой системы в целом. В самом начале новейшей политической истории России массовые протесты сыграли, по сути, определяющую роль в делегитимации советского строя, точнее его силовых основ¹. В 1993 г. в период конституционного кризиса митинги сторонников и противников разных политических лагерей оказались важным средством легитимации претензий на верховную власть. За последнее десятилетие мы стали свидетелями того, как социальный протест становится заложником политических технологий, умело использующих его энергию для смены политических режимов в самых разных странах.

Между тем эмпирические данные показывают, что в России на протяжении всех лет реформ ежегодно проходят сотни различных акций протеста. Протестное движение в России в зависимости от социально-экономической конъюнктуры, монолитности правящих элит и других факторов проходило несколько циклов подъема и спада. К сожалению, в российском обществе по-прежнему сохраняются социальные условия для активизации протестных настроений. На региональном уровне, как показали

¹ Шилов В.Н. Майдан в Москве: август 1991 года и современность // Сетевой научно-практический журнал. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 1. С. 18–19.

протестные кампании 2005 и 2011–2012 гг., имеются как собственные структурные причины актуализации протестного потенциала, так и уникальные локальные конфигурации социальных противоречий, связанных с монопрофильностью экономики, интенсивностью миграционных потоков, местными экологическими или транспортными проблемами и т.п. Кроме того, в регионах за годы реформ сложилась своя «провинциальная» политическая культура, своеобразно реагирующая на импульсы политизации массового сознания, исходящие из российских столиц.

Таким образом, исследование динамики, потенциала и закономерностей трансформации протестной активности населения является актуальным направлением социологической работы. Это связано и с тем, что протестная активность как таковая указывает на неразрешенные социальные противоречия, и с тем, что в современном обществе она может стать источником непрогнозируемых социальных перемен. Актуален как в теоретическом, так и в практическом плане и такой аспект исследования протестной активности, как ее особенности, причины и динамика на региональном уровне. За последние годы мы, несмотря на все стереотипы о политической провинциальности по отношению к большинству российских регионов, были свидетелями целого ряда событийных и информационных всплесков, связанных с протестной активностью «на местах». Исследование потенциала протестной активности на региональном уровне является сложной задачей, поскольку масштабы России, экономические и культурные различия между регионами очень велики. Отсюда возникает актуальная проблема развития методологии и методики анализа и прогнозирования протестной активности, учитывающей и универсальные закономерности, и региональную специфику.

Степень разработанности темы. Интерес к проблеме социальных конфликтов и противоречий среди социологов присутствовал всегда. Можно сказать, пафос социологии как науки в классический период ее развития

заключался в том, чтобы сконструировать общество, в котором конфликтов и противоречий было бы как можно меньше. Методологически очерченное внимание к социальным конфликтам и противоречиям – характерная черта марксистского подхода. Социальное неравенство, отчуждение, классовые антагонизмы – все эти фундаментальные условия социального протеста – стали главным предметом рассмотрения в марксистской социологической теории¹. В неомарксизме акцент сместился на институциональные формы социального контроля, поддерживаемые буржуазной культурой; в критической теории – «новые формы эксплуатации» вроде массового потребления и массовой культуры².

За рамками марксистского подхода интерес социологов к социальным конфликтам особенно проявился в конце XIX – начале XX в. В этот период появляются работы Б. Адамса, Г. Лебона, Г. Тарда, Ч. Эллвуд и других ученых³.

В XX в. основными методологическими альтернативами при объяснении и описании протестной активности стали теория коллективного поведения, теория мобилизации ресурсов (общественных движений) и теория относительной депривации⁴. С другой стороны, важное методологическое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2. Т. 4; Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5, т. 33.

² Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997; Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества: пер. с англ. М., 1994. С. 12–13.

³ Лебон Г. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. 1991. № 6; Законы подражания Ж. Тарда: пер. с фр. СПб., 1892 [Электронный ресурс]. URL: dlib.rsl.ru/viewer/01003632067#?page=1.

⁴ Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп: пер. с англ. М., 1995; Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М., 1994; Сорокин П.А. Социология революции. М., 2008; Runciman W.C. Relative Deprivation and Social Justice: A Study of Attitudes to Social Inequality in Twentieth Century England. Berkley, 1966; Гэпп Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005; Lasswell H., Kaplan A. Power and Society: A Framework of Political Inquiry. New Haven, 1950; Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Reading, MA, 1978; Skocpol Th. Social Revolutions in the Modern World. Cambridge, UK, 1994; Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. 2nd edn. Cambridge, UK, 1998; Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives // Psychological Bulletin. 2008. Vol. 134, iss. 4; Симонова О.А., Райан Л. Осмысление теории социальных движений в XXI веке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2008. № 3; Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2005.

значение для исследования социального протеста имеют такие крупные теоретические подходы, как функционализм и теория конфликта, которые по-разному объясняют предпосылки возникновения протеста¹. Внимание анализу социального протеста как формы борьбы против институтов глобального капиталистического устройства уделяют мир-системный подход и альтерглобалистская теория².

В российской научной среде исследование протестной активности развивается по нескольким направлениям. Во-первых, целый ряд ученых посвящает свои труды анализу зарубежных теоретических концепций, делает попытки формулирования собственных авторских подходов к объяснению общественных волнений. Данный аспект рассматривается в трудах Д.А. Антипова, И.Н. Дементьевой, О.А. Симоновой, В.П. Макарова, О.С. Пустошинской, Г.И. Вайнштейна, А.В. Кинсбургского, М.Н. Топалова, И.Ю. Киселева, А.Г. Смирновой, И.А. Климова³.

¹ Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. М., 1998; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006; Козер Л.А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. Т.И. Шумиловой; под ред. И.Б. Орловой. М., 2006; Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы: пер. с нем. М., 2002.

² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. М., 2004; Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; Агитон К. Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста. М., 2004.

³ Антипов Д.А. Альтерглобализм как феномен социальной реальности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (158); Дементьева И.Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке // Проблемы развития территорий. 2013. № 4 (66); Дементьева И.Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68); Симонова О.А., Райан Л. Осмысление теории социальных движений в XXI веке // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2008. № 3; Макаров Е.П. Социология толпы Гордоновского бунта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14), ч. II; Пустошинская О.С. Детерминированность протеста в рамках теоретико-методологического осмысления // Альманах современной науки и образования. 2010. № 8 (39); Вайнштен Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. М., 1990; Кинсбургский А.В. Потенциал массового протеста и социальная база поддержки (к вопросу о перспективах российских реформ) // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 5. М., 2006; Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. «Гражданские качели» в России: от массового протеста до поддержки реформ // Власть. 2006. № 5; Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Депривация потребностей как механизм формирования протестных настроений // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23); Климов И. Протестная активность в России: взаимная обусловленность стратегий конфликтующих сторон // Политические исследования. 1999. № 1.

Можно считать, что в России сложилась достаточно крепкая традиция изучения социальных движений. Эта тема касается протестной активности непосредственно, хотя описывает специфический ее срез – консолидированную и институционализированную часть. В рамках этой тематики работают такие исследователи, как Д.А. Волков, О.Н. Яницкий¹.

Существует большое количество работ, в которых уделяется внимание тому или иному аспекту социального протеста: некоторые рассматривают его как форму коммуникации общества и власти (Е.М. Иванова, А.Х. Аглиуллина, Е.В. Герасимова, М.М. Закирова, О.В. Келасьев, С.В. Казаков, А.Ю. Лейес²); ряд исследователей считают социальный протест атрибутом становления гражданского общества в России (Г. Алмонд, С. Верба, Д.А. Волков, С.В. Патрушев, В.К. Левашов, Л.И. Никовская, В.В. Петухов и др.³); некоторые акцентируют внимание на протесте как поведении, характерном для тех или иных социальных групп (Г.И. Авцинова, Д.В. Бушуев, А.Ш. Гусейнов, И.Н. Дементьева, Е.В. Ефанова, Ю.А. Зубок,

¹ Волков Д. Протестное движение в России в конце 2011–2012 гг.: истоки, динамика, результаты: аналит. доклад [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/02-10-2012/protestnoe-dvizhenie-v-rossii-v-kontse-2011-2012-gg>; Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6; Яницкий О. Протестное движение 2011–2012 гг.: некоторые итоги // Власть. 2013. № 2; Яницкий О.Н. Сети социальных движений в России // Общественные науки и современность. 2010. № 6; Яницкий О.Н. Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. 1995. № 8.

² Иванова Е.М. Протестное участие как форма имобильного политического поведения (социологический подход) // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 2; Аглиуллина А.Х. Политический дизайн мест проведения массовых протестных акций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3–1; Герасимова Е.В. Формы взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4; Закирова М.М. «Вот здесь видно все!»: самопрезентация городского общественного движения // Журнал исследований социальной политики. Т. 6, № 2; Келасьев О.В., Казаков С.В., Лейес А.Ю. Специфика коммуникации власти и населения в контексте массового публичного протеста // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX, № I (34).

³ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры // Полития. 2010. № 2; Волков Д. Рост общественной активности в России: становление гражданского общества или очередной тупик? // Вестник общественного мнения. 2011. № 2 (108); Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / отв. ред. С.В. Патрушев. М., 2011; Левашов В.К. Гражданское общество: протест или консенсус // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109); Никовская Л.И. Гражданское общество и протесты: что за ними стоит // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110); Петухов В.В. Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения // Вестник Института социологии РАН. 2011. № 3.

К. Клемент, В.И. Чупров¹); еще одна группа ученых анализирует протест как фактор более широких социальных изменений (Е.Н. Максимова, М.Г. Мацкевич, Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, Н.П. Сашенко²), как преимущественно форму политического участия и политической активности (И.А. Савченко, Л.Г. Бызов, А.А. Воробьева, Е.М. Иванова, А.В. Кинсбургский, М.Н. Топалов, В.Л. Римский³); исследуются также новые (сетевые) формы протестных движений и роль современных коммуникаций в мобилизации и организации протестной активности (Е.А. Антюхова, Р.Э. Бараш, И.П. Джуляк, И.Ф. Ярулин, А.И. Кольба, И.В. Ксенофонтова, А.В. Соколов, А.А. Фролов, Э.Э. Шульц⁴).

¹ Авцинова Г.И. Протестный потенциал российской молодежи: парадигмы исследования и политическая практика // PolitBook. 2015. № 1; Бушуев Д.В. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе: дис. ... канд. соц. наук. Ростов н/Д., 2012; Гусейнов А.Ш. Протест как фактор деструктивного поведения подростков и молодежи // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 12. 2011. № 2; Дементьева И.Н. Потенциал протеста как форма проявления социального капитала // Проблемы развития территории. 2012. № 6 (62); Ефанова Е.В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1; Клемент К. Предпосылки коллективных акций протеста на предприятиях // Социологические исследования. 1996. № 9.

² Максимова Е.Н. Политический протест как фактор нестабильности политической системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3 (29), ч. 1; Мацкевич М.Г. Между солидарностью и протестом // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2005. № 6; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Природа конфликтности российской политической трансформации // Полития. 2005. № 2; Сашенко Н.П. Ключевые факторы социальных изменений // Открытое образование. 2011. № 2.

³ Савченко И.А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2; Бызов Л.Г. Политические цвета новорусского протеста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107); Воробьев А.А. Эффективность политической оппозиции в России: экспертные оценки // Известия Саратовского университета. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1; Иванова Е.М. Протестное участие как форма имобильного политического поведения (социологический подход) // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 2; Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. Социальное недовольство и протестное голосование на выборах в Государственную думу – 2003 // Конфликтология. 2004. № 1; Кольба А.И. Политические сети в системе управления политическими конфликтами и протестными действиями // Политическая экспертиза: Политэкс. 2012. Т. 8, № 3; Ксенофонтова И.В. Роль Интернета в развитии протестного движения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109); Римский В.Л. Политическая и общественная активность российских граждан // Социологические исследования. 2007. № 5.

⁴ Антюхова Е.А. Технологии ведения США и НАТО информационно-сетевых операций в конфликтах «Арабской весны» // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1; Бараш Р.Э. Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109); Джуляк И.П., Ярулин И.Ф. Роль Интернета в развитии протестного движения в Хабаровском крае в 2011–2012 годы // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2013. № 3 (30); Соколов А.В., Фролов А.А. Сетевые формы организации гражданских кампаний // Известия Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение. 2013. № 1; Фролов А.А. Сетевые формы организации гражданских кампаний // Известия

Значимое место в трудах российских ученых занимают разработки методологии и методики прогнозирования потенциала протестной активности, подходы к описанию отдельных факторов активизации протеста. Это направление отражено в работах Е.Р. Агадуллиной, А.А. Алексеенка, В.А. Артюхина, В.А. Бараночникова, И.Ю. Киселева, А.В. Ловакова, И.Г. Ломко, А.Г. Смирновой, О.Ю. Дьякова, И.А. Савченко, В.В. Сафронова, В.Н. Шилова¹. В этой части сложились два направления – в рамках первого предпринимаются попытки использовать преимущественно агрегативные показатели потенциала протестной активности, в рамках второго уделяется первоочередное внимание исследованию так называемых узких мест, побуждающих протестную активность, общественные движения.

Мониторинговые замеры динамики общественной и протестной активности, а также сравнительные данные по протестным установкам в разных странах содержатся в трудах Ю.М. Баскаковой, П.В. Бизюкова, Д. Верхотурова, И.В. Задорина, Д.О. Стребкова, И.А. Климова, А.В. Кученковой, Ю.А. Левады, М.В. Мамонтова, К.В. Подъячева².

Иркутского государственного университета. Политология. Религиоведение. 2013. № 1; Шульц Э.Э. Управление социальным протестом как технология и содержание «Арабской весны» // Международные процессы. 2015. Т. 13, № 1.

¹ Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. № 4; Алексеенок А.А., Бараночников В.А. Методика классификации населения региона по протестному потенциалу // Фундаментальные исследования. 2013. № 10; Артюхина В.А. Методологические проблемы социологических исследований протестного поведения // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30); Дьяков О.Ю. Перспективы развития протестной активности в современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 1 (33); Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Депривация потребностей как механизм формирования протестных настроений // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23); Ломко И.Г. Предпосылки и особенности протестного движения в современной Украине // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 1; Савченко И.А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2; Сафронов В.В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 4; Шилов В.Н. Майдан в Москве: август 1991 года и современность // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2015. Т. 1, № 1 (3).

² Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114); Бизюков П. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения. 2011. № 2 (108); Верхотуров Д. Социальный протест в современной России // Золотой лев. 2007. № 131–132 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/131/131_36.htm; Задорин И.В., Стребков Д.О. Массовый протест в России во второй половине 1990-х гг.: влияние экономических факторов // Полития. 1999. № 4; Климов И.А. Реформа социальных льгот в оценках россиян // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4, № 3; Кученкова А.В. Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа // Вестник

Исследование особенностей протестной активности населения на региональном уровне является предметом работы таких ученых, как К.А. Антонов, Д.В. Афанасьев, Г.В. Баранова, К.А. Гулин, Т.А. Гужавина, И.Н. Дементьева, А.К. Дегтярев, И.А. Климов, А.В. Кондрашин, Б.И. Максимов, Р.М. Мамараев, О.А. Мирясова, Ю.Е. Растов, С.А. Сергеев, А.В. Скиперских, А.О. Столяров, В.А. Фролов, Д.Д. Челпанова, И.А. Черникова, Н.И. Чувашова, О.В. Яковлев¹.

Среди работ, в которых содержатся результаты эмпирических исследований по регионам Юга России, следует отдельно выделить принадлежащие к ростовской социологической школе, авторами которых являются Ю.Г. Волков, В.В. Черноус, А.В. Верещагина, Ф.А. Барков, О.Ю. Посухова, А.В. Сериков и др., а также работы Д.Д. Челпановой,

Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2 (103); Левада Ю.А. Сочинения: социологические очерки 1993–2000 / сост. Т.В. Левада. 2-е изд., перераб. М., 2011; Мамонтов М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107); Подъячев К.В. Протестное движение в России нулевых: генезис и специфика // Вестник Института социологии РАН. 2012. № 5.

¹ Антонов К.А. Субъекты политических протестов в регионе: интересы, убеждения, мотивы // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1, № 1(15); Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А. Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30); Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10; Баранова Г.В., Фролов В.А., Кондрашин А.В. Особенности социальной напряженности в регионах России // Социологические исследования. 2011. № 6; Дегтярев А.К., Черноус В.В. Гражданская идентичность в пространстве националистического дискурса // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 3; Гулин К.А., Дементьева И.Н. Основные тенденции протестных настроений в Вологодской области // Социологические исследования. 2008. № 11; Климов И. Структурные факторы социального протеста (на примере олимпийской стройки в Сочи) // Россия реформирующаяся: ежегодник. 2009. Т. 8; Максимов Б.И. Явление России в Пикалево // Социологические исследования. 2010. № 4; Мамараев Р.М. Факторы активизации протестного движения в Дагестане // Фундаментальные исследования. 2015. № 2–23; Мирясова О.А. Российская глубинка и мегаполисы: ценностные основания протестных выступлений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4 (110); Растов Ю.Е. Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. 1996. № 6; Сергеев С.А. Эволюция протестного движения в Республике Татарстан: 2005–2011 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20), ч. II; Скиперских А.В. Политический протест в современной российской провинции: структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк, 2013; Столяров А.О. Особенности протестного движения в российской провинции в 2011–2014 годах // Вестник Воронежского государственного университета. История. Политология. 2015. № 2; Чувашова Н.И. Социальный протест на региональном уровне // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 4; Черникова И.А., Яковлев О.В. Социальная направленность и протестная активность в России // Общество и право. 2015. № 1 (51).

С.Я. Суцего¹. Особое внимание в них уделяется политическим настроениям, включая протестные, в студенческой среде².

Тем не менее, несмотря на значимые достижения отечественной социологической науки в сфере исследования протестного движения, мониторинга протестной активности населения, анализа факторов социального протеста и моделирования масштабов протестных выступлений в зависимости от показателей социальной напряженности, остается еще немало исследовательских ниш, требующих дополнительной интеллектуальной работы. Одним из таких направлений является комплексное исследование протестной активности населения, в том числе на региональном уровне, при котором соединены анализ дисфункциональных социальных условий, имеющих в данном региональном сообществе, и анализ динамических показателей протестной активности.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы состоит в получении нового социологического знания о протестной активности как социальном явлении современной России, включая условия ее возникновения, особенности динамики и возможности оценки ее потенциала на общенациональном и региональном уровнях. Достижение указанной цели потребовало постановки и решения следующих задач:

1) систематизировать основные теоретические подходы к описанию протеста как типа социальной активности и объяснению причин и

¹ Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 1 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8; Законодательное собрание Ростовской области в зеркале социологии / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 2013; Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 2 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8; Сериков А.В., Барков Ф.А. Протестные настроения в контексте обеспечения национальной безопасности на Юге России (на примере Ростовской области) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 6 (47); Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Средний класс в Ростовской области: поведенческие стратегии, ценностные установки и социальные ресурсы становления // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1; Челпанова Д.Д. Характер и динамика протестной активности на Юге России: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Новочеркасск, 2011; Суций С.Я. Протестная активность студенческой молодежи (на материалах вузов Ростовской области и Ставропольского края) // Вестник Южного научного центра. 2014. Т. 10, № 3.

² Социологический портрет молодежи Ростовской области. Ростов н/Д., 2012; Асланов Я.А., Барков Ф.А., Крамарова Е.Н. Портрет студентов Южного федерального университета. Ростов н/Д., 2013; и др.

закономерностей его существования в различных обществах и на разных этапах исторического развития;

2) определить социальные условия возникновения протестной активности и выявить формы проявления протестной активности;

3) рассмотреть различные методологические подходы и методические схемы к анализу и прогнозированию протестной активности и ее потенциала на общенациональном и региональном уровнях;

4) выявить тенденции возникновения и угасания протестной активности в России на различных этапах осуществления социально-экономических преобразований;

5) показать специфику социальных условий возникновения протестной активности на региональном уровне (на примере Ростовской области);

6) дать аналитическое описание динамических и потенциальных параметров протестной активности на региональном уровне (на примере Ростовской области).

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является протест как особый тип социальной активности. Предметом исследования выступают факторы, динамика и потенциал протестной активности в России на общенациональном и региональном уровнях.

Гипотеза исследования. Для понимания закономерностей проявления протестной активности на региональном уровне необходимо как установить особенности социальных условий, стимулирующих протестную активность, включая структурные противоречия и так называемые узкие места общественного воспроизводства, так и дать оценку потенциала протестной активности, регистрируемого посредством ряда социологических индикаторов.

Потенциал протестной активности формируется посредством взаимодействия как минимум четырех компонентов: а) наличие дисфункциональных социальных условий; б) особенности гражданской

культуры (культуры политического участия); в) имеющиеся в распоряжении протестно настроенных граждан организационно-мобилизационные возможности; г) институциональные условия, определяющие риски протестной активности. В то же время в зависимости от методик мониторинга и прогнозирования потенциал протестной активности может быть операционализирован с помощью различных социологических индикаторов: а) оценки возможностей протестных выступлений; б) декларируемой готовности поддержать протестные выступления; в) предполагаемого; г) реального участия населения в протестных акциях.

Теоретико-методологическая основа исследования. В теоретико-методологическом отношении работа базируется на конфликтологическом подходе (Р. Дарендорф, Л. Козер и др.) к интерпретации социальных условий, мотивирующих людей к протестной активности и неконвенциональному поведению. Что касается методологического выбора относительно концепций, описывающих непосредственно возникновение и развитие протестной активности, протестных движений (теории коллективного действия, теории мобилизации ресурсов, теории относительной депривации и др.), автор полагает, что в современных условиях для описания различных аспектов протестной активности целесообразно использовать разные концепции. Так, наибольшим эвристическим потенциалом для определения общественного недовольства, спонтанной протестной активности обладает модифицированная теория относительной депривации Т. Гарра. В то же время высоким прогностическим потенциалом обладает и модель коллективных действий Ван Зомерена, вводящая такие переменные (предикторы социального протеста), как сила групповой самоидентификации, самооценка эффективности протестных действий, уровень доверия публичным институтам. В работе также используются наработки различных концепций гражданской культуры, понимаемой как сфера, в которой формируются

представления о социальных ценностях, установки на одобрение и неодобрение протестной активности как формы политического участия.

Эмпирическая база исследования. В работе привлекается широкий эмпирический материал, который по-новому структурируется автором, в ряде случаев предлагаются новые индикаторы, рассчитанные автором на основе исходных данных. В качестве источников исходных данных в работе используются публикации научной печати, в которых содержатся результаты количественных и качественных социологических исследований протестной активности с начала 1990-х гг. по настоящее время. Так, временные ряды с распределениями ответов, полученных в ходе общероссийских опросов, опубликованы в изданиях ВЦИОМ, «Левада-Центра», фонда «Общественное мнение», Института социологии РАН и др.¹ Автор обращался в том числе к исходным данным, опубликованным в табличном и графическом виде в интернет-ресурсах данных организаций, в архивных разделах².

Статистические и социологические данные о масштабах и предпосылках протестной активности содержатся в изданиях ИСЭРТ РАН³. Основой массива эмпирических данных о социальных условиях и динамике

¹ Результаты социологического исследования «Акции протеста: атрибуты демократии или признаки кризиса в обществе?» 10–11 января 2015 г. // Мониторинг общественного мнения. 2015. № 1 (125); Левада Ю.А. Сочинения: социологические очерки 1993–2000 / сост. Т.В. Левада. 2-е изд., перераб. М., 2011; Мамонтов М.В. Протестная активность россиян в 2011–2012 гг.: основные тренды и некоторые закономерности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1 (107); Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2 (114); Никовская Л.И., Якимец В.Н. Природа конфликтности российской политической трансформации // Полития. 2005. № 2; Левада Ю.А. Восстание слабейших: о значении волны социального протеста 2005 г. // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 3; Левада Ю.А. Массовый протест: потенциал и пределы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 37; Левада Ю.А. Человек недовольный: протест и терпение // От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. М., 2000; Ядов В.А., Климова С.Г., Халий И.А., Климов И.А., Кинсбургский А.В., Топалов М.Н., Клемент К.М. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2008.

² Распределение ответов на вопрос «Как бы вы оценили материальное положение вашей семьи?» // Данные всероссийских опросов общественного мнения «Экспресс», проводимых ВЦИОМ с 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: wciom.ru/data-base.

³ Дементьева И.Н. Потенциал протеста как форма проявления социального капитала // Проблемы развития территории. 2012. № 6 (62); Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А. Предпосылки трансформации установок политического недовольства в протестное поведение населения (на материалах ИСЭРТ РАН г. Вологды) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 6 (30).

протестного потенциала в Ростовской области стали публикации Г.В. Барановой¹, а также работы представителей ростовской социологической школы, возглавляемой проф. Ю.Г. Волковым (ЮРФИС РАН, Южный федеральный университет)².

Автор обращался к статистическим данным по России, Ростовской области и другим регионам Юга России, размещенным на официальном сайте Госкомстата России³. В работе также использовались нормативно-правовые источники⁴.

Научная новизна диссертационной работы состоит в следующем:

1) выделены и описаны три уровня теоретико-методологических альтернатив в изучении протестной активности населения (концепции зарождения протестной активности, модели объяснения социального

¹ Баранова Г.В., Фролов В.А., Кондрашин А.В. Особенности социальной напряженности в регионах России // Социологические исследования. 2011. № 6; Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10.

² Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Средний класс в Ростовской области: поведенческие стратегии, ценностные установки и социальные ресурсы становления // Гуманитарий Юга России. 2015. № 1; Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 1 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8; Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 2 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8; Сериков А.В., Барков Ф.А. Протестные настроения в контексте обеспечения национальной безопасности на Юге России (на примере Ростовской области) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2014. № 6 (47); Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики / отв. ред. А.В. Сериков. Ростов н/Д., 2012; и др.

³ Распределение общей суммы начисленной заработной платы по 20-процентным группам работников // Официальный портал Госкомстата России [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/3-2-5.htm; Распределение фонда начисленной заработной платы по 20-процентным группам работников организаций в целом по России и по субъектам Российской Федерации за 2013 год // Официальный портал Госкомстата России [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/3-2-7.htm; и др.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" и "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации"» // Официальный сайт «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2004/08/31/samoupravleniye-dok.html>; Федеральный закон Российской Федерации от 8 июня 2012 г. № 65-ФЗ «О внесении в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70186842/>; Постановление Правительства Российской Федерации от 29 августа 2005 г. № 541 «О федеральных стандартах оплаты жилого помещения и коммунальных услуг» // Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12141782/>; и др.

протеста, подходы, исследующие протестную активность как явление современного глобализирующегося мира);

2) на основе методологических посылок теории конфликта даны рабочее определение протестной активности, а также характеристика социальных условий возникновения протестной активности (фрустрация, относительная депривация, аномия, социальные неравенства, ценностная переоценка социальных условий и др.) и рассмотрены ее различные формы, в том числе связанные с эффектами глобализации;

3) показан функциональный вклад различных факторов социального протеста в формирование потенциала протестной активности, а также концептуализирована уточненная базовая модель взаимосвязи предикторов протестной активности (на основе модели коллективных действий Ван Зомерена) посредством введения группового уровня референции справедливости социальных условий и определения сценариев трансформации протестного поведения в зависимости от степени интенсивности групповой идентичности и самооценки эффективности протестных действий;

4) рассмотрены эволюция форм и динамика масштабов протестной активности в России в пореформенный период, изменения в ее субъектной и мотивационной базе (выделены пять этапов трансформации протестной активности и дана характеристика современному периоду как отличающемуся снижением оценки эффективности протеста и ростом числа его противников), и на этой основе определен прогностический потенциал различных социологических индикаторов потенциала протестной активности;

5) проведен анализ социальных условий формирования протестной активности на региональном уровне на примере Ростовской области (проблема социального неравенства, межэтнические отношения) и

определено их отношение к макросоциальным (социетальным) условиям и тенденциям формирования потенциала протестной активности;

б) проанализированы колебания числа протестных акций в Ростовской области и численности их участников за последние десять лет, показана волнообразная динамика протестной активности, соответствующая общероссийским тенденциям, дана дифференцированная оценка потенциала протестной активности в Ростовской области как регионе, характеризующемся среднероссийскими показателями социально-экономического развития и индустриально-аграрной структурой экономики, показаны методологические сценарии оперирования различными социологическими индикаторами потенциала протестной активности в регионе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Протест, являясь важным фактором общественных изменений в современном мире, как социальное явление продолжает оставаться предметом теоретико-методологической дискуссии. Представляется необходимым различение уровней теоретического знания о протесте как типе социальной активности, среди которых можно выделить: а) концепции зарождения, эскалации и трансформации протестной активности (теории коллективного действия, мобилизации ресурсов, относительной депривации и др.), которые дают конкретные объяснительные схемы и практико-ориентированный инструментарий в исследовании и прогнозировании протестной активности; б) модели объяснения протеста как социального явления, среди которых можно выделить как минимум два методологических полюса, задающих различные схемы интерпретации социальных противоречий и различные образцы теоретической акцентуации, а именно конфликтологическую и функционалистскую модель; в) подходы, по-разному отвечающие на вопрос о специфике современных глобальных процессов как контексте развертывания протестной активности

(неолиберальный подход, мир-системный подход, альтернативный глобализм, концепция сложного общества и др.) и в этой связи задающие не только различные интерпретационные схемы, но и различные ценностные ориентации исследователей.

2. *Социальный протест* представляет собой особую форму поведения индивидов и групп, вызванного недовольством сложившимися условиями жизни в их ценностной, правовой, экономической или символической плоскости и направленного на изменение этих условий. Термин *протестная активность* целесообразно использовать для обозначения уровня и масштабов проявления различных по направленности и форме акций протеста невзаимосвязанных социальных субъектов. В целом протестную активность можно рассматривать как форму обнаружения и способ разрешения социальных противоречий, однако реальный механизм ее возникновения и эскалации сопряжен с наличием фрустрационных явлений и депривационных эффектов, а также различными видами и формами социального неравенства. Вместе с тем в современных условиях особое значение в эскалации протестной активности приобретает информационно-коммуникационный фактор, все чаще определяющий возможности мобилизационного потенциала участников протеста.

3. В исследовании протестной активности особая роль принадлежит такому понятию, как «потенциал протестной активности», под которым понимается сформировавшаяся в обществе потребность, готовность и способность определенных социальных сил выступить с акциями протеста. Методологическая схема анализа потенциала протестной активности предполагает рассмотрение как минимум четырех групп факторов: а) сложившихся в обществе (сообществе) дисфункциональных условий; б) особенностей гражданской (политической) культуры; в) организационно-мобилизационных возможностей субъектов протеста; г) институциональных условий протестной активности. Все указанные группы переменных

характеризуют структурные социальные условия протестной активности. Однако в ряде случаев возникает необходимость исследования конкретных социальных противоречий, так называемых узких мест, которые могут стать очагами зарождения и роста социального протеста. Для этих целей адекватной представляется базовая модель взаимосвязи предикторов протестной активности, которая включает в себя три группы переменных: 1) субъективная оценка несправедливости социальных условий; 2) динамика групповой идентичности субъектов протеста; 3) самооценка эффективности протестных действий со стороны субъекта протеста.

4. Исследования регистрируют парадоксальный тип гражданской культуры в России, в которой высокая легитимность протестной активности сочетается с низкой самооценкой ее эффективности. Указанные особенности обуславливают необходимость комплексного и многоуровневого подхода к исследованию протестной активности, предполагающего выделение: а) оценочного потенциала протестной активности (насколько возможны акции протеста); б) декларируемого потенциала протестной активности (намерены ли участвовать в акциях протеста); в) проективного (примите ли участие); г) реального ретроспективного потенциала протестной активности (участвовали за последний период). В зависимости от динамики данных показателей можно выделить несколько этапов трансформации протестной активности в современной России (1989–1993, 1994–1999, 2000–2004, 2005–2009, 2010–2013 гг.). Современный период характеризуется рядом особенностей, задающих макросоциальный контекст протестной активности в центральных городах и регионах страны, среди которых укрепление общественного доверия президенту России, снижение оценки эффективности протеста как средства социальных изменений и повышение доли тех, кто считает протесты исключительно средством дестабилизации обстановки в стране.

5. Несмотря на то что в каждом регионе, как правило, имеются свои особые структурные условия для социального протеста, специфика текущих макросоциальных (социетальных) условий формирования протестной активности оказывает непосредственное влияние на потенциал протестной активности в регионах. Так, сохраняет свою актуальность проблема социального неравенства, она определенно является депривирующим фактором. С другой стороны, неравенство, как показывают данные, воспринимается большинством не ценностно – как социальная проблема, а индивидуально – как личная проблема. Остро населением Ростовской области как региона, находящегося на пути миграционных потоков, воспринимается проблема межэтнических отношений. Еще одной заметной проблемой является недовольство населения качеством коммуникации и обратной связи между властными структурами и населением. Вместе с тем в современных условиях основной группой факторов, вызывающих недовольство населения на местах, становятся так называемые узкие места, мотивирующие локальную протестную активность. В то же время в массовом сознании Ростовской области преобладает неверие в протест как эффективный инструмент социальных изменений.

6. С 2006 по 2009 г. в Ростовской области шло постепенное угасание протестной активности – прежде всего с точки зрения количества участников протестных акций. Начиная с 2010 г. динамика этого показателя изменилась, в 2011 г. наблюдался резкий рост (примерно в 1,5–2 раза) числа акций протеста, далее вновь имела место нисходящая динамика. При этом неконвенциональные формы протеста составляли не более 5 % от общего числа протестных акций. Исходя из экстраполяции данных об уровне протестной активности за предшествующие периоды, ядро протестного актива в регионе можно оценить примерно в 0,5–1 % населения (реальный потенциал протестной активности). Величина проективного потенциала протестной активности составляет около 15 % населения. Оценочный

потенциал протестной активности можно оценить в 30–35 % населения: до трети жителей региона лояльно относятся к протестной активности, при этом большинство из них считает, что протесты – это своеобразный способ достучаться до власти. Вместе с тем потенциал протестной активности в Ростовской области не превышает среднероссийских значений, а его распределение носит территориально неравномерный характер. В частности, отмечаемые более высокие оценки потенциала протестной активности в Ростове-на-Дону, нежели по региону в целом, позволяют говорить о том, что мегаполис более склонен к политизации и аккумулярованию протестной напряженности, обладает спецификой гражданской культуры.

Научная и практическая значимость работы. В работе не только анализируются и сопоставляются различные теоретико-методологические подходы и прикладные методики мониторинга и прогнозирования потенциала протестной активности, но и на основе привлечения эмпирического материала апробируется концептуальная схема, предполагающая мониторинг социальных условий формирования протестного потенциала в совокупности с мониторингом социологических и статистических индикаторов потенциала протестной активности населения. Таким образом, результаты работы могут быть использованы как для дальнейшего расширения и углубления теоретических знаний об особенностях формирования и протекания протестной активности на региональном уровне, так и для использования в практической работе по мониторингу протестного потенциала в регионе или группе регионов, идентификации видов протестной активности, определения вероятности трансформации тех или иных протестных акций и движений в более масштабные социальные движения. Кроме того, результаты диссертационного исследования могут быть использованы в преподавании в вузах учебных курсов по социологии, конфликтологии и регионоведению.

Апробация результатов исследования. В основу апробации работы было положено использование полученных в ходе исследования методологических и методических схем при составлении аналитических и мониторинговых материалов для аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались на следующих научных конференциях и форумах: X и XI межрегиональных конференциях аспирантов, соискателей и молодых ученых «Путь в науку» (Ростов-на-Дону, 2014–2015 гг.), Всероссийском научном форуме «Мир Кавказу», (Ростов-на-Дону, 20–22 ноября 2014 г.), Всероссийской научной конференции «Межэтнические отношения и национальная политика в современной России» (Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2015 г.).

Результаты работы были опубликованы в 8 научных трудах. В их числе – 4 статьи по теме работы в журналах из списка ВАК России, а также одна монография.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, двух глав по три параграфа каждая и списка использованной литературы. Каждая глава сопровождается вводной частью и содержит выводы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной для диссертационного исследования темы, раскрывается степень ее научной разработанности, формулируются гипотеза, цель и задачи исследования, определяются его объект, предмет, теоретико-методологическая и эмпирическая база, представляются элементы научной новизны и положения, выносимые на защиту, указываются теоретическая и практическая значимость работы, апробация ее основных результатов и структура.

В **первой главе «Теоретико-методологические основы исследования протеста как типа социальной активности»** поэтапно и системно рассматриваются элементы теоретико-методологического конструкта исследования: понятие протеста как типа социальной активности, теоретические подходы к пониманию причин и закономерностей его проявления в обществе. В данном разделе работы также систематизируются социальные условия возникновения и формы проявления протестной активности, проводится подробный анализ методологических и методических подходов к прогнозированию протестной активности, определению ее потенциала.

В **параграфе 1.1 «Протест как тип социальной активности: понятие и теоретические подходы к пониманию причин и закономерностей проявления»** указывается, что к социальному протесту относятся различные по своей массовости, социальным предпосылкам, групповой субъектности, силе, интенсивности и последствиям явления. В связи с этим социальный протест определяется как *социальная активность, связанная с артикулированием ущемленных, нарушенных прав, интересов, игнорированием стоящих за ними ценностей, борьбой (в том числе связанной с насилием) за их реализацию.*

В этом же разделе проводится смысловая дифференциация ряда взаимосвязанных понятий: *акция протеста* (единичное событие, социальное действие, выражающее недовольство, несогласие со сложившимися социальными, политическими, экономическими или иными условиями), *протестная активность населения* (определенный уровень, масштабы проявления различных по направленности и форме акций протеста невзаимосвязанных социальных субъектов, деятельности различных протестных движений в тот или иной временной период в рамках страны в целом или отдельного региона), *потенциал протестной активности* (сформировавшаяся в обществе при данных социальных условиях потребность, готовность и способность определенных социальных сил выступить с акциями протеста, а также одобрение протестной активности на уровне социально разделяемых ценностей).

Систематизируются основные теоретико-методологические альтернативы при изучении протестной активности в современном обществе:

1) подходы, описывающие закономерности возникновения различных видов протестной активности: теории коллективного действия (Г. Лебон, Г. Олпорт, В. Тэрнер, Г. Блумер, Дж. Школьник и др.); мобилизации ресурсов – социальных движений (Дж. Маккарти, М. Зальд, А. Обершол, С. Терроу, Ч. Тилли и др.); относительной депривации (С. Стайффер, Р. Мертон, У. Рансиман, Т. Гарр, Г. Лассуэлл и др.);

2) теоретико-методологические модели объяснения социальных механизмов, обуславливающих существование в обществе конфликтов: конфликтологическая модель (Л. Козер, Р. Дарендорф, К. Боулдинг и др.); функционалистская (Н. Смелзер, Т. Парсонс и др.);

3) теоретико-методологические подходы, описывающие современный глобальный контекст протестной активности: неолиберальный (Р. Дарендорф); мир-системный (И. Валлерстайн и др.);

альтерглобалистический (К. Агитон и др.); концепция сложного общества (Дж. Урри, С.А. Кравченко и др.); сетевой подход и др.

В параграфе 1.2 «Социальные условия возникновения и формы проявления протестной активности» обосновывается эвристичность конфликтологической модели исследования социального протеста. В частности, показывается, что протест как особая форма поведения индивидов и групп, как правило, вызывается недовольством сложившимися условиями жизни (в их ценностной, правовой или символической плоскости) и фундирован стремлением изменить эти условия.

Вместе с тем в разделе отмечается, что далеко не все волны протестной активности можно объяснить наличием социального конфликта. В связи с этим указывается на перспективность использования теорий среднего уровня для исследования протестной активности, которые операционализируют в различной форме такие понятия, как *фрустрация* и *депривация*. Теория относительной депривации была сформулирована Т. Гарром, который отмечал еще два фактора, участвующих в формировании потенциала протеста: а) убеждения, оправдания (моральный горизонт), которые делают риск, сопряженный с протестом, оправданным; б) баланс между способностью недовольных людей к действию (возможностями организации и самоорганизации) и способностью правительства подавить или канализировать недовольство¹.

Различные исследователи, критикуя на основе эмпирических данных *модель относительной депривации*, пришли к выводу, что в стабильных с социально-экономической точки зрения обществах мотивация к протесту имеет многофакторный характер. Так, в современном информационном и глобализированном обществе все чаще встречается *смещение между субъектом депривации и субъектом протеста*: против эффектов глобализации протестуют образованные молодые люди в странах Запада, а

¹ Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

не бедняки эксплуатируемого Юга. Одним из понятий, эффективно дополняющих концепцию относительной депривации, является *групповая идентичность*. Идентичность, вокруг которой формируется групповая солидарность, во многом является маркером того, что люди будут считать справедливым и несправедливым не только лично для себя, но и для себя-коллектива, своей референтной группы. Вместе с тем в исследованиях социального протеста необходимо уделять особое внимание *механизмам мобилизации*.

По разным основаниям можно выделить несколько разновидностей протестной активности. Так, *политический протест* представляет собой борьбу за доступ к принятию политических решений, распределению власти. Конфликтные явления, связанные с протестной активностью, делятся на собственно *протесты* и *восстания* (предполагают фундаментальную постановку вопросов – «кто правит?», «с помощью каких средств?» и т.д.). В ряде случаев протест может переходить в метафоризированные, инверсные формы. При определенных условиях протестные волны могут порождать целостные социальные движения, функционирующие до тех пор, пока не будут в той или иной мере достигнуты цели протестной активности. В современном мире социальный протест все чаще приобретает сетевые формы, которые при умелом использовании информационного фактора радикальным образом повышают его эффективность.

В параграфе 1.3 «Протестная активность: методологические и методические схемы анализа и прогнозирования потенциала» обосновывается мысль о том, что необходимо противостоять искушению рассматривать протестную активность населения (в том числе в том или ином региональном сообществе) как абстрактную агрегативную величину. Сложившиеся в социуме социальные условия и доступные для социальных субъектов формы протеста создают в совокупности общий уровень протестной активности населения, формируют ее потенциал, в котором

можно выделить как минимум четыре составляющие: а) *дисфункциональные социальные условия*, которые обуславливают мотивацию протеста; б) *тип гражданской культуры*, определяющий легитимность протеста; в) *организационно-мобилизационные возможности* субъекта протестной активности, от которых зависит, насколько протестные настроения будут реализованы в действиях; г) *институциональные условия*, определяющие риски организации и мобилизации протеста.

И.Н. Дементьева отмечает, что в большинстве отечественных работ, посвященных проблематике социального протеста, рассматриваются отдельные факторы протестного поведения, есть лишь попытки системного осмысления данного явления¹. Вместе с тем Е.Р. Агадуллина и А.В. Ловаков указывают, что следует выделять три базовых *предиктора* протестной активности: 1) субъективное чувство несправедливости и сопутствующие эмоции; 2) социальная идентичность; 3) «самоэффективность»².

Комплексная модель взаимосвязи предикторов протестной активности, сформулированная на основе идей М. ван Зомерена, должна, по нашему мнению, включать следующие аспекты: 1) выделение трех базовых предикторов протестной активности (субъективная несправедливость, групповая идентичность, самооценка эффективности протестных действий); 2) взаимосвязь между силой ингрупповой идентификации и готовности к коллективным действиям; 3) взаимосвязь между самооценкой эффективности и уровнем доверия к политическим и социальным институтам; 4) взаимосвязь между радикализацией протестного поведения и трансформацией групповой идентичности протестующих.

В оценке потенциала протестной активности населения можно выделить два *методических подхода*. Первый из них ориентирует на

¹ Дементьева И.Н. Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. 2013. № 6 (68). С. 78–79.

² Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. № 4. С. 132.

исследование *всей совокупности населения* и структуризацию его на отдельные категории по степени предрасположенности к протестной активности. Второй подход заключается в том, чтобы исследовать протестную активность *точечно*, ориентирует на анализ динамики конкретных социальных движений, уровня относительной депривации в тех или иных группах риска и т.д. Если в рамках первого подхода можно зафиксировать системные предпосылки для формирования социального конфликта и его возможной трансформации в протестную активность, то в рамках второго – информацию о протестном потенциале в группах риска, пассионарных сообществах и т.п. Можно также выделить три основные формы проведения прикладных исследований потенциала протестной активности (мониторинг, анализ и прогноз), каждая из которых имеет свои функции, позволяет решать разный класс задач.

Во **второй главе «Протестная активность в России: общенациональные тенденции и региональная специфика»** анализируются эмпирические данные, описывающие социальные условия активизации протестной активности, репрезентирующие динамику и сценарии трансформации протестной активности на общероссийском и региональном уровнях.

В **параграфе 2.1 «Паттерны и динамика протестной активности в пореформенной России»** представлено описание макросоциальных условий протестной активности, в частности базовые характеристики политической культуры. Согласно эмпирическим данным А.В. Кученковой, Россию можно отнести к числу стран с высоким уровнем одобрения права на протест, однако с низкой самооценкой эффективности протеста и низким уровнем доверия публичным и властным институтам¹.

¹ Кученкова А.В. Отношение к праву на протест в разных странах: опыт вторичного анализа // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2 (103). С. 218–232.

По результатам анализа исследований, проводившихся ведущими социологическими центрами в 1990-е гг., выделяются несколько разновидностей социологических индикаторов потенциала протестной активности: а) *оценочный потенциал* (насколько сейчас возможны массовые протесты, митинги и т.п.); б) *декларируемый потенциал* (намерены ли участвовать в массовых протестах, митингах?); в) *проективный потенциал* (примете ли участие в протестах, если такие состоятся в вашем городе?), г) *реальный ретроспективный потенциал* (участвовали ли в протестах за последний год?).

Замеры, проведенные по перечисленным методикам, а также наблюдения за основным субъектом протестной активности, его мотивами, показывают, что на протяжении последних двадцати лет паттерны протестной активности прошли несколько этапов трансформации:

1) 1989–1993 гг. – период высокой политизированности общественного сознания и важной роли протестной активности в легитимации/делегитимации претензий борющихся политических элит;

2) 1994–1999 гг. – деполитизация социального протеста и его сосредоточенность на социально-экономической проблематике, связанной с падением уровня жизни населения;

3) 2000–2004 гг. – снижение протестного потенциала общества, связанное с консолидацией политической системы и ликвидацией целого ряда предпосылок протестной активности (невыплаты и задержки зарплат, повышение пенсий и т.п.);

4) 2005–2009 гг. – период обострения протестной активности, связанного с началом реализации правительством России ряда непопулярных реформ (монетизация льгот, стопроцентная оплата жилищно-коммунальных услуг и т.п.), последствиями мирового финансово-экономического кризиса, а также латентной институционализации протестного движения (в сфере

защиты окружающей среды, прав обманутых дольщиков, прав автолюбителей и т.п.);

5) 2010–2013 гг.– период политизации и активизации протестного движения, выход на передний план общественного запроса на политическую конкуренцию и прозрачность выборов государственных органов власти.

Первая волна протестной активности, по мнению некоторых исследователей, уходила своими корнями в диссидентское движение еще доперестроечного периода. Социальным фоном становления протестного движения ученые считают ожидание перемен в самых различных сферах жизни, повышения благосостояния. В то же время массовые митинги начала 1990-х гг. сыграли, по сути, определяющую роль в делегитимации советского строя, точнее его силовых основ.

Характерным признаком протестного движения 1990-х гг. по сравнению с позднесоветским временем стала трансформация основного субъекта протеста: если против советской модели государственности и экономики протестовали в массе своей наиболее продвинутые слои общества – интеллигенция, новые предприниматели и т.п., то в 1990-е основным носителем протеста стали депривированные категории общества. Характерным показателем этого периода является, например, то, что из экономических факторов самую сильную связь с протестными настроениями имели реальная заработная плата и величина задолженности по заработной плате.

В 2000–2004 гг. наблюдался устойчивый экономический рост, увеличение номинальных и реальных доходов населения, повышение качества жизни. На этом фоне 2005–2006 гг. характеризуются всплеском протестной активности, связанным с реформами ЖКХ и монетизацией льгот. Период с 2005 г. до финансово-экономического кризиса 2008 г., как показывают эмпирические исследования (К.В. Подьячев, Д. Верхотуров), – это начало оформления и плавной институционализации разрозненных

протестных движений¹. Наконец, период с 2010 по 2013 г. стал временем очередного подъема протестного движения и его политизации.

Если активизация политической оппозиции и расширение социальной базы протестов в 2011–2012 гг. были инициированы совпадением последствий мирового финансово-экономического кризиса и депривационного эффекта от сворачивания «модернизационной» политической повестки, то в контексте кризиса на Украине, политического эффекта от воссоединения с Республикой Крым и г. Севастополем российское общество обрело новые интенции консолидации. Кроме того, для современного этапа общественного развития характерны снижение оценки эффективности протеста как средства социальных изменений и повышение своеобразного «антирейтинга» социального протеста – повышение числа тех, кто считает, что акции протеста и митинги – это путь к развалу, который не решает проблемы, а только дестабилизирует ситуацию в стране.

В параграфе 2.2 «Специфика социальных условий возникновения протестной активности на региональном уровне (на примере Ростовской области)» показывается, что условия социального протеста в регионах могут быть связаны со следующими обстоятельствами: а) наличие характерных для данного региона социально-экономических проблем (убыточные отрасли производства, моногорода, зависимость производства от конъюнктуры рынка и т.п.); б) характер регионального политического режима; в) наличие характерных для региона этнических или религиозных противоречий и т.п. В то же время основной группой факторов, вызывающих недовольство населения на местах, становятся так называемые узкие места, мотивирующие на локальную протестную активность.

¹ Подьячев К.В. Протестное движение в России нулевых: генезис и специфика // Вестник Института социологии РАН. 2012. № 5. С. 151; Верхотуров Д. Социальный протест в современной России // Золотой лев. 2007. № 131–132 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/131/131_36.htm.

Анализ эмпирических данных показывает, что в Ростовской области имеется следующий контекст с точки зрения учета факторов протестной активности¹:

1) социально-экономические условия – умеренно позитивная динамика уровня и качества жизни, сопоставимые со средними по России и высокие по макрорегиону показатели;

2) бедность – доля бедного населения в зависимости от формальных или субъективных критериев колеблется от 5 до 10 % от общей численности;

3) социальное неравенство – сопоставимые со средними по России показатели неравенства, помимо материального неравенства, чувствительными являются неравенство в доступе к медицинской помощи и жилью;

4) эффекты дискриминации – наблюдаются различные виды дискриминации, которые охватывают около 20 % населения, в том числе достаточно значимой является дискриминация по национальному признаку;

5) эффекты фрустрации и депривации – ими охвачено в общей сложности до 30 % населения, однако оно разделено на группы в зависимости от того или иного типа психологической реакции на неудовлетворительные условия жизни – для 10 % характерны раздражение, агрессия, еще для 10 % – повышенная тревожность и еще 10 % охвачено апатией;

6) ценностный фундамент политической культуры – предполагается, что большинство населения в соответствии с русским политическим менталитетом понимает свободу как волю, а не как набор правовых гарантий

¹ Законодательное собрание Ростовской области в зеркале социологии / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 2013; Социальное самочувствие и социальное неравенство в Ростовской области: отчет о результатах социологического исследования / под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 2013; Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Верещагина А.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 1 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8; Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Бедность и социальное неравенство в Ростовской области. Часть 2 // Вестник Института социологии РАН. 2014. № 8; Данные, размещенные на официальном сайте Госкомстата России // Официальный портал Госкомстата России [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/3-2-5.htm; и др.

и процедур, в то же время среди населения преобладает мнение, что стабильность важнее перемен, а власть при всех своих недостатках заслуживает доверия;

7) уровень социального доверия различным органам региональной власти дифференцирован в зависимости от института, лидером общественного доверия является губернатор, а аутсайдерами – местные органы власти и правоохранительные органы, что создает определенные риски возникновения протестной активности;

8) самооценка эффективности протеста – в массовом сознании присутствует устойчивое убеждение о важности и эффективности общественного давления на органы власти, однако непосредственно акции протеста эффективным инструментом социальных изменений считает меньшинство, хотя и довольно заметное (около 20 %).

Дополнительно отметим, что восприятие неравенства доходов как социальной проблемы широкими слоями населения – это свидетельство масштабного ценностного конфликта, который необязательно должен привести к формированию протестной мотивации, однако, безусловно, является депривирующим фактором. Кроме того, для Ростовской области как территории, находящейся на пути миграционных потоков, испытывающей миграционное давление близлежащих регионов, актуальна тема соблюдения мигрантами неписаных правил поведения в местном сообществе, уважения к местному неписаному этикету, нормам и обычаям. Еще одной значимой социальной проблемой для региона является недовольство населения качеством коммуникации с бюрократическим аппаратом государства, качеством обратной связи между властными структурами и населением, тем, как чиновниками решаются конкретные жизненные проблемы людей. Особого внимания заслуживают низкие показатели социального доверия правоохранительным органам и органам местного самоуправления. Это одна из уязвимых точек, указывающих на возможные зоны риска в регионе.

В параграфе 2.3 «Динамика и потенциал протестной активности на региональном уровне (на примере Ростовской области)» дается аналитическое описание динамических и потенциальных параметров протестной активности в регионе. В частности, отмечается, что в соответствии с общероссийскими тенденциями в Ростовской области с 2006 по 2009 г. шло постепенное угасание протестной активности – по количеству участников протестных акций, количество же самих акций протеста стабилизировалось в 2007 г. на значении 200–250 в год. В 2011 г. наблюдался взрывной рост протестной активности – в 1,5–2 раза. Исходя из экстраполяции данных за предшествующие периоды, можно дать приблизительную оценку протестному потенциалу в регионе – это от 0,5 до 1 % населения, готовых к активным протестным действиям. По структуре протестных акций в регионе преобладали за предшествующие годы голодовки и пикеты. Те формы протеста, которые можно расценивать как наиболее неконвенциональные (несанкционированные митинги, блокировки), занимают всего лишь 4 % от всего массива акций.

По результатам ряда исследований¹ наиболее заметное влияние на формирование протестных настроений на региональном уровне оказывают следующие проблемы: рост цен, тарифов, инфляция, низкие зарплаты, пенсии, бедность, материальные проблемы; взяточничество, коррупция, произвол чиновников, бюрократизм; недостаточно эффективная социальная политика, социальная несправедливость, ущемление прав людей; низкое качество и недоступность жилищно-коммунальных услуг.

В целом до трети населения Ростовской области лояльно относятся к протестной активности, при этом большинство жителей региона считают, что протесты – это своеобразный способ достучаться до власти. Различные

¹ Соколов А.В. Протестная активность в современной России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109); Скиперских А. Политический протест в российской провинции: Структура, динамика, перформансы (на примере Липецкой области). Липецк, 2013; Сергеев С.А. Оппозиционная политическая активность в Республике Татарстан в 2011–2012 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2 (76).

аспекты протестного потенциала в Ростовской области можно оценить следующим образом: оценочный протестный потенциал колеблется в пределах от 25 до 35 %, проективный протестный потенциал в регионе составляет около 15 % населения, при этом к ядру протестно настроенных групп можно отнести 4–5 %; реальное участие в акциях протеста, как мы показали выше, принимает менее 1 % населения.

Вместе с тем распределение потенциала протестной активности носит территориально неравномерный характер. Ряд эмпирических параметров показывает, что для сельских районов Ростовской области являются более характерными не структурные протестные вспышки, а локальные, описываемые иной логикой, например нарушением мигрантами консервативных житейских конвенций. Областной центр на этом фоне является средоточием политизации массового сознания, чутко реагирует на общероссийские протестные тренды. Для малых и средних городов региона характерен смешанный тип протестного потенциала с акцентом на проблемах, характерных для каждого отдельного населенного пункта (в сфере ЖКХ, защиты окружающей среды, поддержания производства, занятости и т.п.).

Локальные протесты, конкретные протестные акции на региональном уровне, как правило, возникают как спонтанная попытка решить узлы противоречий в контексте какого-либо отдельного «спускового» события, а не в рамках волны протестной солидарности. В этом отношении характерным является замечание А.В. Соколова о том, что сущностью протестной активности на региональном уровне является направление раздражения и недовольства не против причин, порождающих те или иные проблемы, а против следствий имеющихся противоречий¹. Это означает, что возникающие и воспроизводящиеся социальные противоречия не должны

¹ Соколов А.В. Протестная активность в современной России: региональные аспекты // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 305.

упускаться из вида теми, кто принимает управленческие решения. Помимо повышения уровня и качества жизни, настройка эффективного диалога и коммуникации с населением, повышение чувства причастности к принятию судьбоносных решений являются базисом социальной стабильности.

В **заключении** диссертационной работы делаются обобщенные выводы, приводятся основные результаты исследования.

Основные положения работы нашли отражение в следующих публикациях:

Монография:

1. Люлька, О.Ф. Протестная активность населения Ростовской области: потенциал и проблемы регулирования / О.Ф. Люлька; отв. ред. В.В. Черноус // Южнороссийское обозрение ЦРИ ИСиР ЮФУ. Вып. 87. – М.; Ростов н/Д. : Социально-гуманитарные знания, 2014. – 9,5 п.л.

Научные статьи, опубликованные в изданиях перечня ВАК при Министерстве образования и науки РФ:

2. Люлька, О.Ф. Массовая протестная активность и социально-политическая трансформация в условиях глобализации / О.Ф. Люлька // Государственное и муниципальное управление. – 2012. – № 4. – 0,6 п.л.
3. Люлька, О.Ф. Протест как тип социального действия: элементы теоретико-методологического конструкта / О.Ф. Люлька // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 1. – 0,6 п.л.
4. Люлька, О.Ф. Потенциал протестной активности населения: теоретико-методологический аспект / О.Ф. Люлька // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 6. – 0,4 п.л.

5. Люлька, О.Ф. Протестная активность в России: общенациональные тенденции и региональная специфика / О.Ф. Люлька // Государственное и муниципальное управление. – 2015. – № 4. – 0,7 п.л.

Другие издания:

6. Люлька, О.Ф. Потенциал протестной активности населения: теоретико-методологический аспект / О.Ф. Люлька, В.В. Черноус // Гуманитарий Юга России. – 2014. – № 4. – 0,6 п.л./0,4 п.л.
7. Люлька, О.Ф. Ростовская область: потенциал протестной активности / О.Ф. Люлька // Мир Кавказу: материалы Всероссийского научного форума (Ростов-на-Дону, 20–22 ноября 2014 г.). – Ростов н/Д., 2014. – 0,3 п.л.
8. Люлька, О.Ф. Протестная активность населения: условия возникновения и этносоциальные риски на региональном уровне / О.Ф. Люлька // Межэтнические отношения и национальная политика в современной России: материалы Всероссийской научной конференции (Ростов-на-Дону, 22–23 октября 2015 г.). – Ростов н/Д., 2015. – 0,3 п.л.